

Впервые мы услышали о Мише Гордине 50 лет назад от учителей в математическом кружке в 1965-1966 г. – с нами занимались Мишины однокашники и друзья, а молодые люди зачастую стараются сравнить ровесников, выделить лучших. Существовал – неофициально, конечно – Олимп знаменитых аспирантов и выпускников-математиков. В известном мне небольшом списке были Дима Каждан в Москве, Миша Громов и Миша Гордин в Ленинграде. В университете мы вскоре узнали о замечательных достижениях математиков предыдущих, а затем и последующих поколений, но первое воспоминание сохранилось.

Каждана я увидел потом один раз в Москве, Громов провел в нашей группе на мат-мехе несколько памятных занятий по топологии, а с Мишей Гординым довелось познакомиться и даже прикоснуться к его творчеству.

Разговаривать с Мишей было и трудно, и нетрудно.

Трудно, потому что он знал много больше, думал существенно лучше, понимал предмет глубже, формулировки его были точнее. Всегда очень хотелось дотянуться.

А нетрудно разговаривать было потому, что Миша, зная разницу, незаметным и деликатным образом старался ее сгладить. Ненавязчиво, но довольно настойчиво он пробовал приблизить собеседника к настоящему пониманию предмета. Такая щадящая и возвышающая манера общения – возможно, ключевая черта истинного интеллигента.

Миша щедро делился с окружающими впечатлениями и идеями. С другой стороны, был чрезвычайно, подчеркнуто, щепетилен в ссылках даже на не самые важные и, иногда, весьма давние источники.

Его присутствие делало мир вокруг ярче и богаче. Вероятностный семинар с Мишей и без Миши – два разных семинара, мы не раз убеждались в этом в последние годы. Его влияние можно сравнить с влиянием нашего учителя

Ильдара Абдулловича, то есть сравнить с бесконечностью. И на знаменитом семинаре по теории представлений Мишино участие было очень важным. И был еще, в последний период, до болезни, созданный им совместно с молодыми коллегами, семинар "Стохастика". И многолетнее, интенсивное, особенно в глухие годы, сотрудничество в реферативном журнале.

А длилось это глухое, придавленное время два десятка лет – после аспирантуры и прекрасного старта двадцатипятилетнего звездного математика...

Мишины работы (их поначалу было совсем немного, по сложившимся обстоятельствам) воспринимались сперва как высокое откровение, похожее на чудо. Он искал и находил универсальные формулировки, очень общие, иногда, казалось, чрезмерно общие, но оказывался прав.

Впоследствии, не очень скоро, стал выявляться все отчетливее универсальный характер Мишиного творчества. Как теперь можно судить, он сумел по-новому осмыслить, истолковать, расширить и использовать стохастическое исчисление – центральную часть современного вероятностного анализа.

Идет время, и теперь уже Мишины идеи превращаются в общеупотребительный материал, становятся тканью нашей науки. Такая трансформация, конечно, признак самого высокого класса.

Общаться с Мишей было очень интересно. Подчеркнутый интерес к собеседнику, терпеливый и внимательный; энциклопедическая образованность, блистательный интеллект – завораживающие черты его личности.

Миша был немногословный магнит.

Доброжелательный, остроумный, сердечный.

Старший товарищ.

=====

Борис Лифшиц

20 марта 2015г.